

ПРЕДМЕТЫ ВАСИЛИЦКОГО КЛАДА. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

В 1921 году при земляных работах в 6 км от Черкасск был найден уникальный клад, состоящий из 60 золотоордынских монет и 51 одного серебряного украшения. О нем в 1925 году вышла публикация¹, сведения о кладе хранятся в архиве Института археологии НАНУ². Большую работу по описанию и интерпретации предметов Василицкого клада провела заведующая Музея исторических драгоценностей Украины Л.В. Строкова³.

Сюльгамы, синхронные по времени сюльгамам из Василицкого клада известны в Кельгининском могильнике (захоронение мордвы-мокши X–XII и первой четверти XIII века XVI–XVII веков в Zubovo-Полянском районе на берегу р. Чиуш в Мордовии)⁴ (рис. 1: 1).

Сюльгамы, подобные Василицким, по-видимому, находят на разграбляемом археологическом памятнике в селе Черняхов Черкасской области⁵. Отметим, что там встречена сюльгама подобная сюльгаме из Василицкого клада, только с раздвоенными лопатками (рис. 1: 2, 3). Оформление этой сюльгамы традиционно для более ранних финно-угорских височных подвесок со Средней Оки.

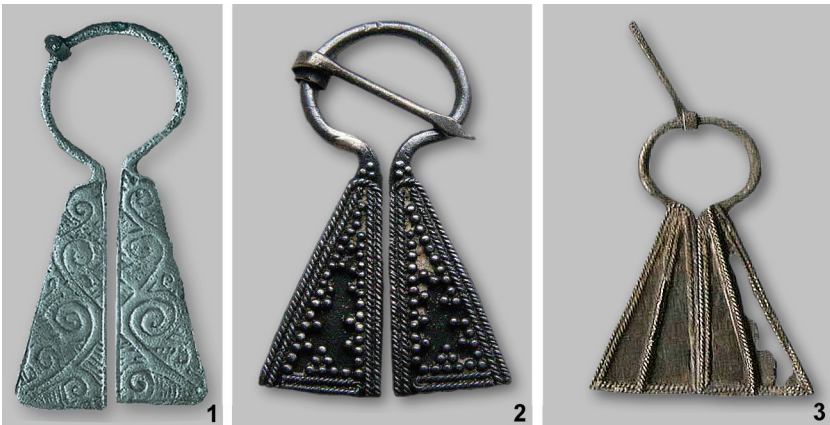


Рис. 1. 1 — сюльгама из Кугельдинского могильника (начало XIII в.); 2, 3 — сюльгамы из Черняховского городища Черкасской области (начало XIII в.).

Известна сьюльгама с раздвоенными лопатками болгарского исполнения с Тигашевского городища⁶. Кстати, эта находка позволяет датировать Тигашевское городище домонгольским временем (начало XIII в.). Подобные сьюльгамы не редкость в Поволжье (рис. 2). Проблема в том, что во всех Средневожко-Ожских районах ни разу не удалось зафиксировать сьюльгамы начала XIII века со срощимися лопатками.

Найденные на Украине сьюльгамы относятся к XIII–XIV вв., и их происхождение связано с серебряными булгарами (рис. 3) и финно-угорским народом мокшей (рис. 4). Районы проживания этноса мокши в дозолотоордынскую эпоху находились под протекторатом Серебряной (Волжской) Булгарии⁷.



Рис. 2. Булгарская серебряная сьюльгама (Поволжье, начало XIII в.).



Рис. 3. Серебряные сьюльгамы Василицкого клада, выполненные булгарами (начало XIII в.).



Рис. 4. Мокшанские серебряные сьюльгамы Василицкого клада, (начало XIII в.).

Технологические приемы исполнения части украшений (пайка серебра, зернь) наводят на мысли о работе болгарских мастеров, исполняющие украшения в местных традициях для ближайших народов, такая же ситуация прослеживается и в приуральских районах. Более того, в это время происходит трансформация форм мокшанских сьюльгам и, по-видимому, новое их идейное наполнение.

Существует три направления развития сьюльгам, подобным сьюльгамам из Василицкого клада. Первое, это финно-угорские

височные подвески⁸. Этот комплекс хорошо представлен в экспозиции Государственного исторического музея в витрине “Население средней Оки III–VII вв.” (рис. 5). В дальнейшем эта традиция не имеет своего продолжения.



Рис. 5. Височные подвески финно-угорского населения Средней Оки (III–VII вв.) (ГИМ).

Второе направление, это развитие двулопастных сьюльгам (сьюльгамы второго типа 1 подтипа), носимых обычно на одежде, вначале как фибулы, затем как украшение. В.Н. Белицер считал сьюльгаму типично финской, распространенной среди “народов Поволжья мари, удмуртов, отчасти чувашей, а также у народов Прибалтики — эстонцев, латышей, литовцев”⁹. Отметим, что вопреки мнению В.Н. Белицера, у чувашей, так же как и у мариЙцев, в обозримом прошлом никогда не бытовали двулопастные сьюльгамы.

Третье направление развития, это сьюльгамы со сросшимися нижними лопатками (сьюльгамы второго типа 2 подтипа)¹⁰. Подобные, в позднем средневековье, бытовали только среди мариЙцев и чувашей. Н. Гаген-Торн считал мариЙские сьюльгамы рудиментом мокшанской сьюльгамы¹¹. Если бы было так, то мы имели бы у мариЙцев и двулопастные вариации этих украшений. МариЙские сьюльгамы — плод распространения и заимствования сьюльгамы чувашского типа. В таком случае нам необходимо проследить, когда же исторически появляется сьюльгама чувашского типа (рис. 6).



Рис. 6. 1, 2 — Чувашские сьюльгамы (Мартыновский могильник, XVII в.); 3 — чувашская сьюльгама (XVIII–XIX в.).

На сьюльгаме (рис. 6: 2) в верхней части изображен родовой знак (ана паллы), производный от знака “булгар” и пока корректно не дешифрованная руническая надпись.

Наиболее древним их аналогом можно считать сьюльгаму из раскопок на городище Саркел (X–XI вв.)¹², а также в аланском могильнике VI–IX веков, погребение № 7, Мокрая Балка близ Кисловодска, в катакомбе 50 (118)¹³. Но эти публикации нельзя пока признать достаточными для прямой генеалогии чувашских сьюльгам, а более убедительных материалов выявить не удалось.

Так как мы не имеем на сегодняшний день более надежных доказательств существования более древних, раннесредневековых кавказских прототипов сьюльгам, подобных чувашским, а именно с этим регионом связана история предков чувашей (сувар, савир, сапир), мы вынуждены констатировать, что массовое производство сьюльгам со сросшимися лопатками началось

булгарами в начале XIII в. в районах проживания мокши. В мокшанской традиции они продолжали существовать и дальше. Так, с XVI по XVIII вв. стали распространяться сьюлгамы со сросшимися лопатками и небольшим рудиментальным вырезом посередине¹⁴ (рис. 7: 1). Этот знак, ставший символом, прочно закрепился и в резьбе по дереву эрзи и мокши, при этом изображался без выреза¹⁵.



Рис. 7. Мокшанские сьюлгамы (XVIII — XIX в.) (ЧНМ).

Наряду с ними продолжали существовать и сьюлгамы с полностью сросшимися лопатками (рис. 7: 2). Видимо этот факт следует рассматривать как продолжающееся влияние чувашской (булгаро-суварской) традиции. Мы уже рассматривали происхождение и смысловую нагрузку чувашских сьюлгам¹⁶. Из всего сказанного в эти работах сегодня хотелось бы исключить костяную подвеску из Дамасского музея истории, выделить в ней ранее существовавшее якобы верхнее кольцо проблематично¹⁷. Сомнение в семантической связи вызывает костяная подвеска из Джегирбента¹⁸ и целый ряд подобных средневековых металлических Ближневосточных подвесок. Вряд ли символом бога могли быть гигантские геоглифы аравийского полуострова. Но мы не отказываемся от идеи древней смысловой нагрузки самого знака, например, в используемом хананеями (финикийцами) символе Танит, хеттами “вселенского столпа”¹⁹ или подобной древнеегипетской иероглифической символики.

К упомянутым в других своих статьях артефактам, свидетельствующим о древности сакрального смысла этого вида скульгамы, хотелось бы добавить еще одно — изображения ритуальных штандартов из шведского местечка Felsbilder, около XVII в. до н.э., которые удивительно похожи на скульгамы этого типа (рис. 8; 9)²⁰.

Чувашская скульгама носит ярко выраженный культовый характер и является одним из видов изображения символа веры в единое божественное начало “Тура”. В чувашском языке эту скульгаму называют турпаллы (знак бога (Тура)). Второе название, вероятно связано с попыткой скрыть истинное значение знака от наделенных политической властью миссионеров. В период насильственного крещения и запрета на металлообработку чуваша продолжали под угрозой казни с удивительным упорством носить этот знак.



Рис. 8. Ритуальный жезл из Felsbilder (Швеция), около XVII вв. до н.э.

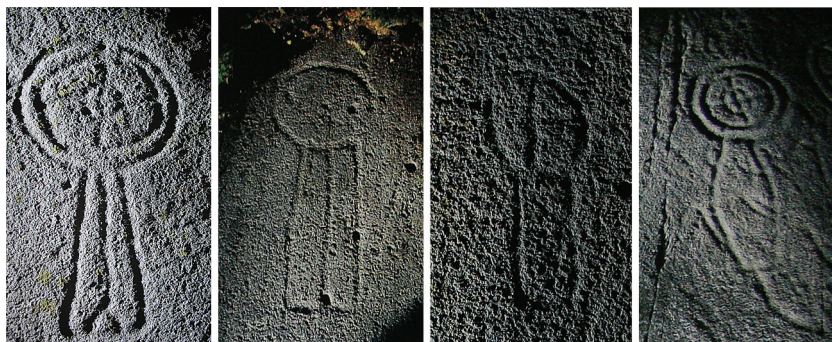


Рис. 9. Изображения ритуальных жезлов в Felsbilder (Швеция), около XVII вв. до н.э.

Ама (самка, женское начало) это название женского нагрудного украшения, частью которого была эта сьюльгама. Кстати, это название может сближать данный знак с символом праматери всех божественных сущностей Танит (рис. 10)²¹. Отметим даже сходные приемы орнаментирования, состоящие из трех окружностей на щитке²². Другое название — *џестенкё*, по мнению Н.И. Ашмарина, происходит от русского слова “жесть”²³. Правда в этом случае не учитывается тот факт, что русское слово “жесть” само происходит от тюркского “жез”, “жиз” означющего “белая медь”, “латунь”. В таком случае “*џе(тенке)*” (латунная, мельхиоровая денгга (тенкё)) это собственное, чувашское название предмета, угаивающее его сакральный смысл.



Рис. 10. Знак Танит
(II в. до н.э. —
II в. н.э.).

Турпаллы (в переводе — “знак бога” (Тура)) чувашаи украшали мебель²⁴, его можно увидеть на надгробиях²⁵, пряжках²⁶. Имелось несколько видов его изображения, один из которых представлен на деревянном двуручном ковше из Тетюшского краеведческого музея, на чувашских (суварских) средневековых надгробиях²⁷. Подобный же символ представлен на болгарской бронзовой накладке, найденной на Болваньем мысу о. Вайгач²⁸. Знак такого типа известен на шлеме поверженного Артабана в рельефе из Накш-и-Рустама изображающего триумф падишаха Ардашира (239–241 гг.).

Все представленные в этом кладе сьюльгамы являются женскими. Все изготовлены в домонгольский период. Часть перстней также являются болгарскими конца XII — начала XIII века²⁹, часть — золотоордынские. Стилиевые аналогии болгарских перстней золотоордынской эпохи из Крыма связаны, по-видимому, с вывозом болгарских мастеров и дальнейшим развитием ими перстней этого типа³⁰. Найденный на Украине Василицкий клад мог принадлежать купцу, скупавшему награбленное монголо-татарским войском и пополнявшим состав клада изделиями и монетами золотоордынского периода. Вполне вероятно, что эти богатства связаны с уничтожением монголо-татарами населения болгарского “Великого города” русских летописей (город Мокша, ныне Наровчатское городище в Пензенской области³¹)³².

Все сьюльгамы Василицкого клада являются как бы переходным этапом от мокшанских сьюльгам с раздвоенными лопатками к сьюльгамам со сросшимися лопатками. Это видно по декору самих сьюльгам. Видимо, начало XIII века явилось периодом сложения религиозной символики в виде нагрудного украшения. Происходило это в болгарской контактной зоне среди мокши и сувар (предки чувашей). За основу украшения была взята мокшанская двулопастная сьюльгама, которая в руках суварских мастеров превратилась в религиозный знак в виде сьюльгамы со сросшимися лопатками.

Подобные процессы проникновения религиозных мировоззрений сувар в финно-угорскую среду на территории Серебряной Булгарии происходили повсеместно. В результате мы видим употребление символа веры в пряжках и гребешках того времени³³. В перспективе можно было бы даже использовать карту распространения символа веры в Тура в IX–XIII вв. для уточнения границ самого государства.

Примечания:

- ¹ Василицкий скарб. Короткі звітлення ВУАК 1925 р. – Киев, 1926.
- ² Науковий архів Інституту археології НАНУ. Архів ВУАК, 1921, спр. 3; 1925, спр. 46/23; 1928, спр. 202/24.
- ³ Строкова Л.В. Василицкий скарб з Черкащини із зібрання Національного музею історії України // Музей історичних коштовностей України // Музей на рубежі епох: минуле, сьогодення, перспективи. – Київ, 1999. См. также: Строкова Л.В. Василицкий клад XIV в. // Ювелирное искусство и материальная культура. – СПб., 2001.
- ⁴ <http://www.zubova-poliana.ru/archeology-kelgininsky.htm>
- ⁵ <http://domongol.org/viewtopic.php?f=44&t=390>
- ⁶ Николаев В.В., Иванов-Орков Г., Иванов В. Чувашский костюм от древности до современности. – Москва – Чебоксары — Оренбург, 2002. – С. 32, рис.18.
- ⁷ Мадуров Д.Ф. Локализация “Великого города” в свете реконструкций событий 1184 года. с. 190–215 // Государственность восточных болгар IX–XIII вв. Чебоксары, 2–3 декабря 2011 г. – Чебоксары: “Таус”, 2012.
- ⁸ Захаров С.Д. Древнерусский город Белозеро. – М.: “Индрик”, 2004. – Рис. 69.

- ⁹ Белицер В.Н. Мордовские сюльгамы // Советская археология. – М.: Наука, 1977, № 2. – С. 193. См. также: Белицер В.Н. Народная одежда мордвы // Труды мордовской этнографической экспедиции. – М.: Наука, 1973. – Вып. III.
- ¹⁰ Заднепровская А.Ю. Марийские украшения. Каталог. – Л.: Государственный этнографический музей народов СССР, 1985. – С. 56.
- ¹¹ Гаген-Торн Н. Женская одежда народов Поволжья. – Чебоксары, ЧКИ, 1960. – С. 83.
- ¹² Плетнева С.А. Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР. – М.: Наука, 1981. – С. 259, рис. 82/23.
- ¹³ Рунич А.П. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1971 год. Архив Института Археологии. – Р-1, № 4633. См также: Мадуров Д.Ф. Традиционное декоративное искусство и праздники чувашей // Гипотезы. Исследования. Теории. – Чебоксары: ЧКИ, 2004. – С. 250, таб.36/7.
- ¹⁴ Юшкин Ю.Ф. Мордовское народное искусство. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1985. – Фото 108.
- ¹⁵ Мартянов В.Н. Некоторые особенности резьбы по дереву мордвы // Материалы по археологии и этнографии мордвы / Труды. – Вып. 48. – Саранск, 1975. – Рис. 3.
- ¹⁶ Мадуров Д.Ф. Проблемы генезиса средневековых металлических украшений марийско-чувашского Поволжья. – С. 28–29 / Зеленева Ю.А. Этнокультурные факторы в становлении и развитии металлургии и обработки цветного металла у народов Поволжья в Средние века // Тезисы Российской научной конференции. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2000. См. также: Мадуров Д.Ф. Генезис и семантика средневековых сюльгам чувашей с. 332–347 // Исследования по древней и средневековой археологии Поволжья. – Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2006; Мадуров Д.Ф. К вопросу о средневековых металлических украшениях марийско-чувашского Поволжья с. 129–134 / Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье // Археология и этнография Марийского края Вып. 27: Материалы конференции. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. – 2004.
- ¹⁷ Мадуров Д.Ф. Традиционное декоративное искусство и праздники чувашей // Гипотезы. Исследования. Теории. – Чебоксары: ЧКИ, 2004. – С. 250, таб. 36/1.
- ¹⁸ Там же. – С. 250, таб. 36/9.
- ¹⁹ Макгуи Дж. Г. Хетты и их современники в Малой Азии. – М.: Наука, 1983.

- ²⁰ Harald Meller. Der geschmiedete Himmel. Die weite Welt im Herzen Europas vor 3600 Jahren. – Ausstellungskatalog. Stuttgart: “Theiss-Verlag”, 2004. – P. 68–69.
- ²¹ Мадуров Д.Ф. Традиционное декоративное искусство и праздники чувашей // Гипотезы. Исследования. Теории. – Чебоксары: ЧКИ, 2004. – С. 250, таб. 36/2.
- ²² Там же. – С. 251, таб. 37/5–7.
- ²³ Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. – Чебоксары: “Чувашское государственное издательство”, 2000. – Т. 1–17. – С. 91.
- ²⁴ Мадуров Д.Ф. Традиционное декоративное искусство и праздники чувашей // Гипотезы. Исследования. Теории. – Чебоксары: ЧКИ, 2004. – С. 188, таб.24/2.
- ²⁵ Там же. – С. 189, таб. 25/2;10.
- ²⁶ Там же. – С. 185, таб. 22/12.
- ²⁷ Там же. – С. 189, таб. 25/6;9.
- ²⁸ Там же. – С. 186, таб. 23/22.
- ²⁹ Мадуров Д.Ф. Типология и генезис средневековых перстней чувашей // Древность и средневековья Волго-Камья. Материалы Третьих Халиковских чтений. – Казань, 2004. – С. 111–113.
- ³⁰ Строкова Л.В. Золотоордынский клад из с. Василицы Черкасской обл. // Город и степь в контактной Евро-Азиской зоне. – Материалы III Международной конференции посвященной 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова. – М., 2006. – С. 186–188.
- ³¹ Мадуров Д.Ф. Локализация “Великого города” в свете реконструкций событий 1184 года // Государственность восточных булгар IX – XIII вв. Чебоксары, 2–3 декабря 2011 г. – Чебоксары: “Таус”, 2012. – С. 190–215.
- ³² Арсланова А.А. Сведения Ала ад-Дина Джувейни о завоевании монголами Волжской Булгарии. – С. 33–43 // Волжская Булгария и монгольское нашествие. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1988. – С. 42.
- ³³ Мадуров Д.Ф. Традиционное декоративное искусство и праздники чувашей // Гипотезы. Исследования. Теории. – Чебоксары: ЧКИ, 2004. – С. 250, таб. 36/5–6.